

О ПОѢЗДКѢ ПУШКИНА НА КАВКАЗЪ ВЪ 1829 ГОДУ.

«Мы лѣнивы и нелюбопытны», говорилъ Пушкимъ, сожалѣя о бѣдности нашей біографической и автобіографической литературы; произведеніямъ этого рода онъ всегда придавалъ большое значеніе и самъ неоднократно принимался вести дневникъ и писать свои мемуары. Но, къ сожалѣнію, его собственныя записки остались только въ черновыхъ наброскахъ и отрывкахъ, либо совершенно утратились а нѣкоторыя ихъ части даже уничтожены самимъ авторомъ. Только дневникъ Кавказской поѣздки 1829 года былъ имъ вполне обработанъ и пущенъ въ печать: «Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года» составляетъ не только прекрасное литературное произведеніе, но и драгоцѣнный матеріалъ для біографіи поэта. Значеніе этого путевого дневника возвышается еще однимъ обстоятельствомъ: при посѣщеніи Кавказскаго края въ 1829 году Пушкинъ встрѣтилъ тамъ нѣсколько старыхъ знакомыхъ и приобрѣлъ не мало новыхъ; нѣкоторые изъ нихъ записали свои воспоминанія о тогдашнихъ сношеніяхъ своихъ съ нимъ, и ихъ рассказы служатъ полезнымъ дополненіемъ къ тому, что самъ поэтъ сообщилъ о своемъ пребываніи въ Грузіи, въ арміи Паскевича и на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Одинъ изъ такихъ рассказовъ, доселѣ не изданный, представляемъ здѣсь; но предварительно изложимъ нѣсколько замѣчаній о путевыхъ запискахъ самого Пушкина.

I.

«Путешествіе въ Арзрумъ» было напечатано Пушкинымъ лишь въ 1836 году, въ первой книжкѣ предпріяятаго имъ *Современника*. Но еще прежде того, въ 1830 году, отрывокъ изъ этой

статьи, подъ заглавіемъ «Военная Грузинская дорога (извлеченіе изъ путевыхъ записокъ А. Пушкина)», былъ помѣщенъ въ *Литературной Газетѣ* барона Дельвига (№ 8). Изданіе этого отрывка чисто описательнаго характера было косвеннымъ отвѣтомъ на воззванія газетъ, которыя, извѣщая о поѣздкѣ Пушкина въ Кавказскую армію, приглашали его воспѣвать подвиги русскихъ войскъ. По справедливому замѣчанію Анненкова, «поэтъ сдѣлалъ наперекоръ ожиданіямъ ихъ. Онъ не терпѣлъ посторонняго вмѣшательства въ дѣло творчества, и обращенія газетъ къ его музѣ производили на него неприятное впечатлѣніе. Онъ никакъ не могъ понять, а еще менѣе допустить права распоряжаться его вдохновеніемъ, назначать предметы для труда и преслѣдовать жизнь его такимъ образомъ до самыхъ тайныхъ его помысловъ и побужденій». Воздерживаясь отъ печатанія стихотвореній, внушенныхъ поѣздкой, и давая только отрывокъ изъ путевого дневника, поэтъ, разумѣется, не удовлетворилъ журналистовъ,—и *Сверная Пчела* не замедлила выразить ему свое негодованіе. Въ разборѣ VII-й главы «Евгенія Онѣгина», помѣщенномъ въ № 37 этой газеты за 1830 годъ, было сказано: «Мы думали, что авторъ «Руслана и Людмилы» устремился на Кавказъ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзіи, обогатиться новыми впечатлѣніями и въ сладкихъ пѣсняхъ передать потомству великіе подвиги русскихъ современныхъ героевъ. Мы думали, что великія событія на востокѣ, удивившія міръ и стяжавшія Россіи уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, возбуждать геній нашихъ поэтовъ: мы ошиблись! Лиры знаменитыя остались безмолвными, и въ пустынѣ нашей поэзіи опять явился Онѣгинъ, блѣдный, слабый...» Пушкинъ не забылъ этого упрека и отвѣчалъ на него въ предисловіи къ «Путешествію», написанномъ уже въ 1835 году: «*Искать вдохновенія*», говорилъ тутъ Пушкинъ, — «всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудой. Приѣхать на войну съ тѣмъ, чтобы воспѣвать будущіе подвиги, было бы для меня, съ одной стороны, слишкомъ самолюбиво, а съ другой — слишкомъ непристойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло». Въ черновомъ проектѣ предисловія отвѣтъ Пушкина изложенъ въ выраженіяхъ еще болѣе рѣзкихъ ¹⁾.

Однако, эта попытка Пушкина установить на «Путешествіе»

) *Русская Старина* 1884 г., ноябрь, стр. 373 и 374.

взглядъ какъ на простой дорожный дневникъ, откровенно и безприязнательно излагающій впечатлѣнія очевидца, но совершенно чуждый задней мысли восхвалять либо порицать видѣнное, не достигла цѣли. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ *Съверная Пчела* стояла рѣшительно во главѣ той литературной партіи, которая избрала Пушкина мишенью для своихъ нападений. Когда появилась въ свѣтъ первая книжка *Современника* на 1836 годъ, Булгаринъ, въ своей газетѣ (№ 129), отозвался о дорожномъ дневникѣ Пушкина въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Есть ли что-нибудь... въ «Путешествіи въ Арзрумъ»? Виденъ ли тутъ поэтъ съ пламеннымъ восторгомъ, съ сильною душою? Гдѣ гениальныя взгляды, гдѣ дивныя картины, гдѣ пламень? И въ какую пору былъ авторъ въ этой чудной странѣ! Во время знаменитаго похода! Кавказъ, Азія и война! Ужь въ этихъ трехъ словахъ есть поэзія, а «Путешествіе въ Арзрумъ» есть не что иное, какъ холодныя записки, въ которыхъ нѣтъ и слѣда поэзіи. Новаго здѣсь — извѣстія о тифлискихъ баняхъ; но люди, бывшіе въ Тифлисѣ, говорятъ, что и это не вѣрно».

Пусть бы однако таково было мнѣніе одного критика *Съверной Пчелы*. Но «Путешествіе въ Арзрумъ» показалось вещью заурадною даже такому почитателю Пушкина, каковъ былъ Бѣлинскій. Вотъ что писалъ онъ въ статьѣ о первой книжкѣ *Современника*: «Путешествіе въ Арзрумъ» самого издателя есть одна изъ тѣхъ статей, которыя хороши не по своему содержанію, а по имени, которое подъ ними подписано. Въ самомъ дѣлѣ, если есть на свѣтѣ такіе люди, которые за что бы не принялись, все портятъ, которые ничего не умѣютъ порядочно сдѣлать, то есть и такіе, которые ничего не умѣютъ сдѣлать дурно. Статья Пушкина не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что бы вы, прочтя ее, могли пересказать, что бы васъ особенно поразило; но ее нельзя читать безъ увлеченія, нельзя не дочитать до конца, если начнешь читать»²⁾.

Окончательная обработка путевого дневника Пушкина относится уже къ 1835 году. Но при помѣщеніи его въ *Современникъ* авторъ не могъ издать его въ совершенной полнотѣ, какъ онъ былъ написанъ; пришлось сдѣлать два значительные пропуска въ I-й главѣ и нѣсколько мелкихъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ I-й главѣ были

²⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, т. II, стр. 264. Первоначально статья Бѣлинскаго появилась въ *Молотъ при Телескопъ* 1836 г., т. 32.

исключены: разсказъ о свиданіи съ Ермоловымъ (этотъ пропускъ былъ сдѣланъ, очевидно, самимъ Пушкинымъ) и разсужденіе о необходимости христіанской проповѣди на Кавказѣ (выпущено по указанію А. Х. Бенкендорфа). Съ такими сокращеніями «Путешествіе» вошло въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина и въ изданіе Анненкова, и лишь нѣсколько лѣтъ спустя по выходѣ послѣдняго указанные отрывки появились въ печати (въ *Библиографическихъ Запискахъ* 1859 года и въ *Русскомъ Архивѣ* 1863 года). Впослѣдствіи они были включены, вмѣстѣ съ другими, болѣе мелкими дополненіями, въ дальнѣйшія изданія сочиненій Пушкина; наиболѣе согласно съ бѣловымъ автографомъ «Путешествія», сохранившимся въ бумагахъ поэта въ Московскомъ публичномъ музеѣ, текстъ этой статьи воспроизведенъ въ изданіи литературнаго фонда.

Кромѣ указанныхъ пропусковъ, при первомъ изданіи «Путешествія» фамилии всѣхъ почти лицъ, упоминаемыхъ Пушкинымъ, были означены лишь начальными буквами. Такъ было сдѣлано и въ изданіи Анненкова, но еще онъ высказалъ въ примѣчаніи надежду, что будущіе издатели Пушкина, вѣроятно, раскроютъ эти анонимы. Надежда эта исполнилась до сихъ поръ только отчасти: даже въ изданіи литературнаго фонда разъяснены не всѣ сокращенія въ означеніи фамилій. Восполнить эти пробѣлы можно только при содѣйствіи лицъ, коротко знакомыхъ съ исторіей русскаго владѣчества на Кавказѣ. Одинъ изъ знатоковъ ея, живущій въ Тифлисѣ, почтенный Е. Г. Вейденбаумъ, любезно доставилъ намъ нѣсколько цѣнныхъ указаній по этому предмету, и мы предлагаемъ ихъ здѣсь, отчасти дополнивъ собственными справками, а также свѣдѣніями, сообщенными намъ П. И. Бартеневымъ со словъ участника кампаніи 1829 года, покойнаго Михаила Владиміровича Юзефовича.

Въ главѣ I-й (т. IV, стр. 420 и 425) лицо, означенное буквою Ш. и въ разговорѣ съ Пушкинымъ упоминавшее объ Иматрѣ, есть финляндецъ Эмилій Карловичъ Шернваль, зять тутъ (и выше на стр. 415) упомянутаго графа Владиміра Алексѣевича Мусина-Пушкина и братъ извѣстной красавицы Авроры Карловны Карамзиной. Въ той же главѣ (стр. 422 и 424) подѣ буквою Ч. слѣдуетъ разумѣть майора Бориса Чилева, управлявшаго въ 1829 году горскими народами, обитающими близъ Военно-Грузинской дороги. Г. От., также упоминаемый въ I-й главѣ (стр. 423), есть командиръ пионерной роты путей сообщенія подполковникъ Николай Гавриловичъ Огаревъ,

впослѣдствіи состоявшій при Паскевичѣ. Во II-й главѣ два лица обозначены буквою С.: одно изъ нихъ, упоминаемое какъ покойникъ (стр. 428), есть Тифлисскій военный губернаторъ, генераль-адъютантъ Николай Мартыановичъ Сипягинъ, умершій въ Тифлисѣ 10-го октября 1828 года, а другое, по выраженію Пушкина, «извѣстный гастрономъ» (стр. 429), генераль-адъютантъ Степанъ Степановичъ Стрелковъ, преемникъ Сипягина по должности Тифлисскаго губернатора. Въ той же главѣ (стр. 432) говорится о графѣ Николаѣ Александровичѣ Бутурлинѣ, который въ то время былъ адъютантомъ военнаго министра А. И. Чернышева; преданіе приписываетъ Бутурлину сообщеніе въ Петербургъ извѣстія о томъ, что Н. Н. Раевскій оказывалъ покровительство находившимся на Кавказѣ декабристамъ. Въ главахъ III-й и V-й неоднократно рѣчь идетъ, подъ буквою П., о Михаилѣ Ивановичѣ Пуцинѣ: это братъ лицейскаго товарища Пушкина, Ив. Ив. Пуцина, подобно ему декабристъ. Въ главѣ V-й (стр. 452) вмѣстѣ съ М. И. Пуцинымъ поминается еще нѣкто Д.: это Руфинъ Ивановичъ Дороховъ, сынъ партизана 1812 года; онъ былъ извѣстенъ своимъ неукротимымъ и буйнымъ нравомъ, изъ-за котораго имѣлъ нѣсколько дуэлей, нѣсколько столкновеній со своими начальниками и нѣсколько разъ подвергался разжалованію въ рядовые; едва ли не бѣдшую часть своего служебнаго поприща провелъ онъ солдатомъ; онъ былъ убитъ 18-го января 1852 года въ Малой Чечнѣ, во время одного неудачнаго набѣга, при р. Гойтѣ. Въ главахъ IV-й и V-й (стр. 441, 443, 449 и 450) Пушкинъ говоритъ о полковникѣ А., котораго Паскевичъ между прочимъ посылалъ навѣстить жену Арзрумскаго паши: это—флигель-адъютантъ Романъ Романовичъ Анрепъ, командиръ своднаго уланскаго полка, умершій въ 1830 году въ чинѣ генераль-майора. Наконецъ, въ главѣ V-й (стр. 450) мелькомъ упомянуть К.: это—графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, въ то время рядовой одного изъ полковъ кавказской арміи; онъ былъ разжалованъ въ нижніе чины за участіе въ дѣлѣ 14-го декабря и умеръ на Кавказѣ въ 1830 году.

Кромѣ этихъ лицъ, еще нѣсколько упоминаются Пушкинымъ въ разныхъ мѣстахъ «Путешествія въ Арзрумъ»; но эти анонимы, впрочемъ уже не многочисленные, остаются пока не раскрытыми.

Однако, и этимъ рядомъ послѣдовательныхъ дополненій и разъясненій еще не вполне исчерпывается исторія текста «Путешествія въ Арзрумъ» въ печати. Въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1885 года

(№ 11) П. К. Мартьяновъ сообщилъ еще одну дотолѣ неизвѣстную «страничку», которую онъ считаетъ принадлежащею къ «Путешествію въ Арзрумъ», и въ которой разсказывается о встрѣчѣ Пушкина съ А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ). Подлинность этой «странички» г. Мартьяновъ признаетъ несомнѣнною. «Копія съ нея», говоритъ онъ,—«снята въ 1835 году поэтомъ (?) Александромъ Дмитриевичемъ Комовскимъ (впослѣдствіи сенаторъ и статсъ-секретарь), когда подлинная рукопись Пушкина, по возвращеніи отъ императора Николая, съ его помарками, находилась въ канцеляріи шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа. Отъ Комовскаго она дошла и до насъ».

Нельзя не согласиться, что «страничка», изданная г. Мартьяновымъ, представляетъ интересъ: Пушкинъ питалъ дружескія чувства къ Бестужеву и, безъ сомнѣнія, встрѣтился бы съ нимъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ встрѣчался на Кавказѣ съ другими своими старыми знакомыми изъ декабристовъ. Тѣмъ не менѣе, изданіе литературнаго фонда не включило отрывокъ, найденный г. Мартьяновымъ, въ составъ «Путешествія въ Арзрумъ» и въ примѣчаніи къ этой статьѣ объяснило, что не извѣстно, куда именно слѣдуетъ помѣстить его.

По словамъ г. Мартьянова, встрѣча двухъ друзей произошла въ то время, когда Пушкинъ еще только направлялся въ армію Паскевича: «Проѣхавъ Тифлисъ и углубившись, слѣдуя направленію военной дороги, въ горы, онъ встрѣтилъ тамъ совершенно неожиданно Александра Александровича Бестужева». Изъ III-й главы «Путешествія въ Арзрумъ» видно, что Пушкинъ пріѣхалъ изъ Тифлиса въ лагерь Паскевича при Инжа-су 13-го іюня; слѣдовательно, съ Бестужевымъ онъ долженъ былъ бы встрѣтиться за нѣсколько дней передъ тѣмъ, то-есть, въ первыхъ числахъ того же мѣсяца. Между тѣмъ, изъ письма Бестужева къ матери, отъ 15-го августа 1829 года ¹⁾, оказывается, что въ іюнь этого года онъ еще не былъ на Кавказѣ, а проживалъ въ Иркутскѣ, озабоченный хлопотами о своемъ переводѣ въ Кавказскую дѣйствующую армію.

Указанія на столь грубое хронологическое разногласіе было бы совершенно достаточно, чтобъ отвергнуть всякую вѣроятность встрѣчи, а слѣдовательно, и подлинность разсказа о ней. Но предположимъ

¹⁾ *Русскій Вѣстникъ* 1870 г., № 6, стр. 495.

нѣкоторое недоразумѣніе со стороны г. Мартыанова и допустимъ, что онъ ошибся только тѣмъ, что приурочилъ загадочное свиданіе къ первому времени пребыванія Пушкина на Кавказѣ. Допустить это вполне возможно, ибо дѣйствительно Бестужевъ прибылъ на Кавказъ прежде, чѣмъ Пушкинъ успѣлъ покинуть его. Переѣздъ свой изъ Иркутска до границъ Кавказа Бестужевъ совершилъ съ удивительною быстротой: изъ вышеупомянутаго письма его къ матери обнаруживается, что 4-го іюля Бестужевъ оставилъ Иркутскъ, а 3-го августа прибылъ уже въ Екатериноградъ, гдѣ въ то время начиналась Военно-Грузинская дорога. Между тѣмъ Пушкинъ уже находился въ это время на обратномъ пути изъ армии: 1-го августа онъ возвратился въ Тифлисъ, 6-го выѣхалъ отсюда на сѣверъ и 10-го достигъ Владикавказа. Если предположить, что Бестужевъ выѣхалъ изъ Екатеринограда безотлагательно, то-есть, въ самый день прибытія туда—3-го августа, и что затѣмъ по Военно-Грузинской дорогѣ онъ слѣдовалъ съ быстротой своего прежняго путешествія, то въ Тифлисъ онъ могъ явиться 7-го или 8-го августа. Такимъ образомъ, встрѣчу друзей можно предполагать лишь на Военно-Грузинской дорогѣ, а время ея—около 7-го или 8-го числа.

Но состоялась ли эта встрѣча на самомъ дѣлѣ? Категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ слѣдующихъ словахъ Бестужева въ письмѣ его къ Н. А. Полевому, отъ 9-го марта 1833 года: «Давно ли, часто ли вы съ Пушкинымъ? Мнѣ онъ очень любопытенъ: я не сержусь на него именно потому, что его люблю. Скажите, что нѣтъ судьбы! Я сломя голову скакалъ по утесамъ Кавказа, встрѣтя его повозку: мнѣ сказали, что онъ у Бориса Чилиева, моего стараго однокашника; слѣшу, пріѣзжаю—гдѣ онъ?... Сейчасъ лишь уѣхалъ, и какъ нарочно, ему дали провожатаго по новой околенной дорогѣ, такъ что онъ со мной и не встрѣтился!... Я рвалъ на себѣ волосы отъ досады,—сколько вещей я бы ему высказалъ, сколько узналъ бы отъ него, и случай развелъ насъ на долгіе, можетъ быть, на безконечные годы!»)

Итакъ, Пушкинъ и Бестужевъ дѣйствительно проѣзжали по Военно-Грузинской дорогѣ одновременно, но тѣмъ не менѣе свиданія между ними не произошло. Слѣдовательно, и пресловутая «страничка», отысканная г. Мартыановымъ, и въ которой онъ «узналъ

1) *Русскій Вѣстникъ* 1861 г., № 4, стр. 436.

перо» Пушкина, есть не болѣе какъ вымыселъ, поддѣлка, совершенная чьею-то чужою рукой. О включеніи этой «странички» въ путевой дневникъ Пушкина не должно быть и рѣчи.

II.

Изъ всѣхъ лицъ, оставившихъ воспоминанія о своихъ встрѣчахъ съ Пушкинымъ на Кавказѣ въ 1829 году, первое мѣсто принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Михаилу Ивановичу Пуцину. Между тѣмъ какъ М. В. Юзефовичъ лишь впервые познакомился съ поэтомъ «на боевыхъ поляхъ Малой Азіи» ¹⁾, а Н. Б. Потокскій хотя и видѣлъ его прежде, въ 1824 году, но ни тогда, ни позже не былъ съ нимъ сколько-нибудь близокъ ²⁾,—М. И. Пуцинъ еще въ Петербургѣ, до 1820 года, принадлежалъ къ тому же кругу, въ которомъ Пушкинъ вращался по преимуществу.

М. И. Пуцинъ воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1816 году былъ выпущенъ въ офицеры, а въ 1824 году уже командовалъ гвардейскимъ конно-піонернымъ эскадрономъ въ чинѣ капитана. Замѣшанный въ дѣло 14-го декабря, онъ былъ разжалованъ въ рядовые и сосланъ въ Сибирь, но вскорѣ переведенъ на Кавказъ, такъ что могъ принять участіе въ Персидской и Турецкой кампаніяхъ 1827—1829 годовъ подъ начальствомъ Паскевича. Объ этомъ періодѣ жизни Пуцина сохранился его собственный рассказъ или, точнѣе сказать, извлеченіе изъ его записокъ, составленное барономъ А. Е. Розеномъ ³⁾. Изъ этого разсказа видно, что Пуцинъ пользовался большимъ вниманіемъ и даже довѣріемъ Паскевича; такія отношенія ихъ подтверждаются и свидѣтельствомъ другихъ лицъ: о дѣятельности Пуцина въ 1828 и 1829 годахъ неоднократно упоминается въ «Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи», написанной генераломъ Ушаковымъ подъ руководствомъ самого Паскевича, а о характерѣ этой дѣятельности говорить декабристъ А. С. Гангебловъ въ своихъ запискахъ. «Болѣе всѣхъ»—сказано тамъ—

¹⁾ *Русскій Архивъ* 1880 г., ч. III, стр. 430—446: «Памяти Пушкина».

²⁾ *Русская Старина* 1880 г., т. XXVIII, стр. 575—584: «Встрѣчи съ А. С. Пушкинымъ въ 1824 и 1829 годахъ». Слѣдуетъ замѣтить, что воспоминанія г. Потокскаго содержатъ въ себѣ нѣсколько свидѣній, требующихъ подтвержденія, напримѣръ, объ «открытой ссорѣ» между Пушкинымъ и Паскевичемъ.

³⁾ *Русская Старина* 1884 г., т. XLI, стр. 303—338: «Декабристы на Кавказѣ».

«былъ на виду Михаилъ Ивановичъ Пуцинъ, бывший командиръ лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона. Съ самаго поступленія въ отрядъ, еще въ Персіи, онъ оставленъ былъ при штабѣ. Паскевичъ далъ полный просторъ дѣятельности и энергіи Пуцина. Въ своей солдатской шинели, Пуцинъ распоряжался въ отрядѣ, какъ у себя дома, переводя офицеровъ и генераловъ съ ихъ частями войскъ съ мѣста на мѣсто по своему усмотрѣнію; онъ руководилъ и мелкими, и крупными работами, отъ вязанія фашинъ и туровъ, отъ работъ киркой и лопатой до устройства переправъ и мостовъ, до трасировки и возведенія укрѣпленій, до веденія апрошей, и кромѣ того, исполнялъ множество важныхъ порученій. Онъ же, въ той же солдатской шинели, присутствовалъ на военныхъ совѣтахъ у главнокомандующаго, гдѣ его мнѣнія почти всегда одерживали верхъ (о чемъ мнѣ извѣстно было чрезъ Вальховскаго и Ушакова). Этотъ человѣкъ какъ бы имѣлъ даръ одновременно являться въ разныхъ мѣстахъ. Штурмъ Ахалцыха (15-го августа 1828 года) положилъ конецъ его дѣятельности: тамъ (какъ и на другихъ штурмахъ—впереди колонны) Пуцинъ былъ раненъ пулею въ грудь на вылетъ» ¹⁾. Въ этой характеристикѣ есть впрочемъ неточности: Пуцинъ, хотя и не совсѣмъ исцѣлившійся послѣ раны, участвовалъ въ кампаніи 1829 года съ прежнимъ успѣхомъ; поэтому-то онъ и могъ встрѣтиться съ Пушкинымъ въ лагерь Паскевича. Еще по окончаніи Персидской кампаніи Пуцинъ былъ произведенъ въ прапорщики, а по окончаніи второй Турецкой—въ поручики. Въ 1831 году онъ оставилъ Кавказъ и военную службу; впоследствии онъ находился въ службѣ гражданской, но въ 1865 году переименованъ въ генералъ-майоры и умеръ комендантомъ Бобруйской крѣпости 25-го мая 1869 года. М. И. Пуцинъ былъ женатъ на Марьѣ Яковлевнѣ Подколзиной.

Въ вышеупомянутомъ извлеченіи изъ записокъ М. И. Пуцина можно найдти нѣсколько извѣстій о пребываніи Пушкина въ походѣ 1829 года; но гораздо болѣе подробно Пуцинъ описалъ свои тогдашнія сношенія съ Пушкинымъ въ особой запискѣ, которая сохранилась въ бумагахъ П. В. Анненкова. Записка эта была доставлена ему въ 1857 году чрезъ посредство графа Л. Н. Толстого, изъ письма котораго позволяемъ себѣ привести нѣсколько строкъ: «Посылаю вамъ, дорогой Павелъ Васильевичъ, записку Пу-

¹⁾ Воспоминанія декабриста А. С. Гангблова, стр. 199 и 200.

щина, съ которымъ мы живемъ вмѣстѣ въ Clarens, canton de Vaud. Записка презабавная, но рассказы его изустные—прелесть. Вообще это видно была безалаберная эпоха Пушкина. Пуцинь этотъ—прелестный и добродушный человекъ. Они съ женой здѣсь трогательно милы, и я ужасно радъ ихъ сосѣдству».

Печатаемъ записку Пуцина безъ всякихъ сокращеній. Лишь въ концѣ выпущено нѣсколько стиховъ Пушкина, неудобныхъ къ печати.

Встрѣча съ А. С. Пушкинымъ за Кавказомъ.

Въ 1829 году, въ маѣ мѣсяцѣ, дождавшись главнокомандующаго на границѣ въ крѣпости Цалкѣ, съ нимъ я отправился въ Карсъ, откуда сдѣлано было нами движеніе къ Ардагану, — гдѣ, отдѣливъ отъ себя Муравьева на подкрѣпленіе Бурцова подъ Ахалцыхомъ, мы съ главнокомандующимъ возвратились въ Карсъ; Бурцовъ же, подкрѣпленный Муравьевымъ, не замедлил разбить турецкаго пашу, желавшаго отнять у насъ Ахалцыхъ, и прибылъ къ намъ въ Карсъ, подкрѣпивши Бебутова гарнизонъ въ Ахалцыхѣ. По собраніи всего отряда въ Карсѣ мы присоединились къ Панкратьеву, который выдвинуть былъ на Арзерумскую дорогу. Тутъ, не смотря на всѣ убѣжденія двигаться впередъ, Паскевичъ откладывалъ движеніе со дня на день, боясь Гагки-Паши, расположеннаго влѣво отъ насъ, въ урочищѣ Дели-муса-фурни, чтобы при движеніи впередъ не имѣть его въ тылу нашемъ.

Во время этого бездѣйствія я, который занимался развѣдываніемъ о непріятелѣ и составлялъ карты движенія къ Арзеруму, по обязанности своей долженъ былъ дѣлать рекогносцировки и каждую ночь ихъ удачно дѣлалъ съ партіей линейныхъ казаковъ, чаще всего съ Гребенскими. Однажды, уже въ іюнѣ мѣсяцѣ, возвращаясь изъ развѣзда, на этотъ разъ очень удачнаго, до самаго лагернаго расположенія турокъ на высотѣ Мелидюза, которое въ подробности имѣлъ возможность разсмотрѣть, — я сошелъ съ лошади прямо въ палатку Николая Раевского, чтобы перваго его порадовать скорою неминуемою встрѣчею съ непріателемъ, встрѣчею, которой всѣ въ отрядѣ съ нетерпѣніемъ ожидали. Не могу описать моего удивленія и радости, когда тутъ А. С. Пушкинъ бросился меня цѣловать, и первый его вопросъ былъ: «Ну, скажи, Пуцинь: гдѣ турки, и увижу

ли я ихъ; я говорю о тѣхъ туркахъ, которые бросаются съ крикомъ и оружіемъ въ рукахъ. Дай пожалуйста мнѣ видѣть то, за чѣмъ сюда съ такими препятствіями пріѣхалъ!» «Могу тебя порадовать: турки не замедлятъ представиться тебѣ на смотръ; полагаю даже, что они сегодня вызовутъ насъ изъ нашего бездѣйствія; если же они не атакуютъ насъ, то я съ Бурцовымъ завтра непременно постараюсь заставить ихъ бросить свою позицію, съ фронта непреступную, движеніемъ обходнымъ, планъ котораго отсюда же понесу къ Паскевичу, когда онъ проснется».

Живые разговоры съ Пушкинымъ, Раевскимъ и Сакеномъ (начальникомъ штаба, вошедшимъ въ палатку, когда узналъ, что я возвратился), за стаканами чая, приготовили насъ встрѣтить турокъ грудью. Пушкинъ радовался какъ ребенокъ тому ощущенію, которое его ожидаетъ. Я просилъ его не отдѣляться отъ меня при встрѣчѣ съ непріателемъ, обѣщалъ ему быть тамъ, гдѣ болѣе опасности, между тѣмъ какъ не желалъ бы его видѣть ни раненымъ, ни убитымъ. Раевскій не хотѣлъ его отпускать отъ себя, а самъ на этотъ разъ, по своему высокому положенію, хотѣлъ держать себя какъ можно дальше отъ выстрѣла турецкаго, особенно же отъ ихъ сабли или курдинской пики,—Пушкину же мое предложеніе болѣе улыбалось. Въ это время вошелъ Семичевъ (маіоръ Нижегородскаго драгунскаго полка, сосланный на Кавказъ изъ Ахтырскаго гусарскаго полка) и предложилъ Пушкину находиться при немъ, когда онъ выѣдетъ впередъ съ фланкерами полка. На чемъ Пушкинъ остановился—не знаю, потому что меня позвали къ главнокомандующему, который вслѣдствіе моихъ донесеній послалъ подкрѣпить аванпосты, приказавъ соблюдать величайшую бдительность; всему отряду приказано было готовиться къ дѣйствию.

По сказанному какъ по писанному. Еще мы не дончили обѣда у Раевского съ Пушкинымъ, его братомъ Львомъ и Семичевымъ, какъ пришли сказать, что непріатель показался у аванпостовъ. Всѣ мы бросились къ лошадямъ, съ утра осѣдланымъ. Не успѣлъ я выѣхать, какъ уже попалъ въ схватку казаковъ съ наѣздниками турецкими, и тутъ же встрѣчаю Семичева, который спрашиваетъ меня: не видалъ ли я Пушкина? Вмѣстѣ съ нимъ мы поскакали его искать и нашли отдѣлившася отъ фланкирующихъ драгунъ и скачущаго, съ саблею на-голдъ, противъ турокъ, на него летящихъ. Приближеніе наше, а за нами улакъ съ Юзефовичемъ, скакавшимъ насъ выру-

чать, заставило турокъ въ этомъ пунктѣ удалиться, — и Пушкину не удалось попробовать своей сабли надъ турецкою башкой, и онъ, хотя съ неудовольствіемъ, но насъ болѣе не покидалъ, тѣмъ болѣе, что нападеніе турокъ съ всѣхъ сторонъ было отражено, и кавалерія наша, преслѣдовавъ ихъ до самого укрѣпленнаго ихъ лагеря, возвратилась на прежнюю позицію до наступленія ночи.

Быстрое отраженіе Гагки-Паши, съ незначительною потерей нѣсколькихъ казаковъ убитыхъ и раненыхъ, вывело главнокомандующаго изъ бездѣйствія, всѣхъ сердившаго. Мы стали подвигаться впередъ, но съ большою осторожностію. Черезъ нѣсколько дней, въ ночномъ своемъ разѣздѣ, я наткнулся на все войско сераксира, выступившее изъ Гассанъ-Кале намъ на встрѣчу. По сообщеніи извѣстія объ этомъ Пушкину, въ немъ разыгралась африканская кровь, и онъ сталъ прыгать и бить въ ладоши, говоря, что на этотъ разъ онъ непременно схватится съ туркомъ; но схватиться опять ему не удалось, потому что онъ не могъ изъ вѣжливости оставить Паскевича, который не хотѣлъ его отпускать отъ себя не только во время сраженія, но на привалахъ, въ лагерѣ, и вообще всегда, на всѣхъ гѣрос и въ свободное отъ занятій время, за нимъ посылалъ и порядочно—по словамъ Пушкина—ему надоѣлъ. Правду сказать, со всѣмъ желаніемъ Пушкина убить или побить турка, ему уже на то не было возможности, потому что непріятель уже болѣе насъ не атакował, а вездѣ, до самой сдачи Арзерума, безъ оглядки бѣжалъ, и всѣ сраженія, громкія въ реляціяхъ, были только преслѣдованія непріятели, который бросалъ на дорогѣ орудія, обозы, лагеря и отсталыхъ своихъ людей. Всегда, когда мы сходились съ Пушкинымъ у меня или Раевского, онъ бѣсился на турокъ, которые не хотятъ принимать столь желаннаго имъ сраженія,—я же, напротивъ, радовался тому, что могъ чаще ѣхать въ коляскѣ и отдыхать, потому что дѣлалъ походъ 1829 года еще съ не залѣченной раной въ грудь, полученною въ 1828 году на штурмѣ Ахалцыха, и всякая усиленная верховая ѣзда чрезвычайно мнѣ вредила.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ занятія Арзерума, имѣвъ обѣщаніе Паскевича, по занятіи его, меня отпустить къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Терпѣніе мое не истощилось: 27-го іюня занять Арзерумъ. Но мнѣ еще оставалось на нѣсколько дней работы: по порученію главнокомандующаго, долженъ былъ составить проектъ укрѣпленія города на случай нападенія турокъ. Проектъ составить

было легко, потому что нападенія со стороны турокъ никакъ нельзя было ожидать; армія ихъ такъ вся разбрелась, что никакая человеческая воля не могла ее собрать.

Въ первыхъ числахъ іюля я выѣхалъ изъ Арзерума съ порученіемъ отъ главнокомандующаго проводить плѣнныхъ пашей до Тифлиса: порученіе неприятное, которое задержало меня въ дорогѣ и въ карантинѣ болѣе, чѣмъ я желалъ. Въ Тифлисѣ я прибылъ съ пашами въ концѣ іюля. Тамъ ко мнѣ, для слѣдованія въ Пятигорскъ къ водамъ, присоединился Дороховъ, съ которымъ я впередъ условился ѣхать вмѣстѣ въ моей коляскѣ до первой драки съ кѣмъ бы то ни было.

Изъ Тифлиса выѣхали мы вдвоемъ съ Дороховымъ; но его денщикъ и мой человекъ, вмѣстѣ и поваръ, остались въ Тифлисѣ закупать провизію на дорогу черезъ горы. Въ Душетѣ они должны были догнать, а мы ихъ ожидать. Люди наши замѣшкались и прибыли съ провизіей и выюками Дорохова довольно поздно вечеромъ. Дороховъ, котораго желчь уже давно разыгрывалась, началъ тузить своего денщика; тотъ сложилъ вину промедленія на повара моего Степана, который въ несовершенно трезвомъ видѣ ему что-то грубо отвѣчалъ. Увидавъ это, я приказалъ денщику своему Кирилову запрягать лошадей и объявилъ Дорохову, что такъ какъ условіе нарушено и не желая другой разъ быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, я его оставляю и предпочитаю ѣхать одинъ, чтобъ оборонить отъ побоевъ людей моихъ и его не вводить въ искушеніе. Дороховъ давалъ мнѣ новыя клятвенныя обѣщанія вести себя прилично, только чтобы я позволилъ ему вмѣстѣ со мною ѣхать, но я остался непреклоненъ: сѣлъ въ коляску, весьма скоро запряженную четверкою лошадей, отдохнувшихъ въ теченіе цѣлаго дня, и пустился по ночи впередъ по дорогѣ къ Владикавказу.

Во Владикавказѣ пришлось мнѣ ожидать нѣсколько дней казніи. На канунѣ того дня, какъ я долженъ былъ выѣхать вмѣстѣ съ отрядомъ, при орудіи, назначенномъ конвоировать собравшихся со мною путешественниковъ и обозы, неожиданно прибѣгаетъ ко мнѣ Пушкинъ, объявляя, что онъ меня догонялъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать на воды. Понятно, какъ я обрадовался такому товарищу. Послѣ первыхъ распросовъ другъ у друга, Пушкинъ мнѣ объявляетъ, что у него есть до меня просьба, и впередъ проситъ не отказать въ исполненіи ея. Конечно, я порадовался чѣмъ-нибудь служить ему. Дѣло

состояло въ томъ, чтобы я позволилъ Дорохову ѣхать вмѣстѣ съ нами, что Дороховъ просить у меня прощенья и позволяетъ мнѣ прибить себя, если онъ кого-нибудь при мнѣ ударить. Долго я не хотѣлъ на это согласиться, увѣряя Пушкина, что Дороховъ по натурѣ своей не можетъ не драться. Пушкинъ все свое краснорѣчіе употреблялъ, чтобы меня уговорить согласиться на его просьбу, находя тѣмъ граціи въ Дороховѣ и много прелести въ его товариществѣ. Въ этомъ я былъ совершенно съ нимъ согласенъ и наконецъ согласился на убѣдительную его просьбу принять Дорохова въ наше товарищество. Пушкинъ побѣждалъ за Дороховымъ и привелъ его ко мнѣ съ повинною вытянутою фигурою, до того комическою, что мы съ Пушкинымъ расхохотались, и я Дорохову на мировую протянулъ руку, но только позволилъ себѣ сдѣлать съ обоими новый уговоръ—во все время нашего слѣдованія въ товариществѣ до водъ въ карты между собою не играть. Скрѣпя сердце, оба дали мнѣ въ этомъ честное слово. Пушкинъ приказалъ притащить ко мнѣ свои и Дорохова вещи, и между прочимъ, ящикъ отличнаго рейнвейна, который ему Раевскій далъ на дорогу. Мы тутъ же распили нѣсколько бутылокъ.

Все прекрасно обошлось во время медленнаго нашего слѣдованія отъ Владикавказа до Екатеринограда и оттуда до Горячеводска или Пятигорска. Ѣхали мы втроемъ въ коляскѣ; иногда Пушкинъ садился на казачью лошадь и ускакивалъ отъ отряда, отыскивая приключеній или встрѣчи съ горцами, встрѣтивъ которыхъ намѣревался, ускакивая отъ нихъ, навести ихъ на нашъ конвой и орудіе; но ни приключеній, ни горцевъ во всю дорогу онъ не нашелъ. Тяжело было обоемъ во время приваловъ и ночлеговъ: одинъ не смѣлъ бить своего денщика, а другой не смѣлъ заикнуться о картахъ, пытаюсь однако у меня нѣсколько разъ о сложеніи тягостнаго для него уговора. Одинъ рейнвейнъ услаждалъ общую нашу скуку, и въ ящикѣ немного его осталось, когда четверка лошадей уже не шагомъ, а рысью повезла насъ изъ Екатеринограда въ Пятигорскъ.

Въ Пятигорскѣ я не намѣренъ былъ оставаться; для раны моей мнѣ надлежало ѣхать прямо въ Кисловодскъ. Приѣхавши въ Пятигорскъ, я собрался сейчасъ же все осмотрѣть и приглашалъ съ собою Пушкина; но онъ отказался, говоря, что знаетъ тутъ все, какъ свои пальцы, что очень усталъ и желаетъ отдохнуть. Это уже было въ началѣ августа; мнѣ нужно было спѣшить къ Нарзану, и потому я

объявилъ Пушкину, что на другой же день намѣренъ туда ѣхать, и если онъ со мной не поѣдетъ, то когда мнѣ его ожидать? «Могу тебѣ только то сказать, что не замедлю здѣсь лишняго дня; только завтра съ тобою ѣхать не въ состояніи: хочу здѣсь день-другой отдохнуть».

Получивши этотъ отвѣтъ Пушкина, я пошелъ осматривать источники, гулянья и городъ, что заняло меня на нѣсколько часовъ. Возвращаясь домой послѣ заката солнца къ вечернему чаю, нахожу Пушкина, играющаго въ банкъ съ Дороховымъ и офицеромъ Павловскаго полка Астафьевымъ. «*La glace est rompue*», говоритъ мнѣ Пушкинъ;—«довольно мы терпѣли, связанные словомъ, но вѣдь слово дано было до водъ; на водахъ мы выходимъ изъ-подъ твоей опеки, и потому не хочешь ли поставить карточку? Вотъ господинъ Астафьевъ мечетъ отвѣтныи». «Ты совершенно правъ, Пушкинъ. Слово было дано — не играть между собою до водъ; ты сдержалъ слово благородно, и мнѣ остается только удивляться твоему милому и покладливому характеру». Пушкинъ въ этотъ вечеръ выигралъ нѣсколько червонцевъ; Дороховъ проигралъ, кажется, болѣе, чѣмъ желалъ проиграть; Астафьевъ и Пушкинъ кончили игру въ веселомъ расположеніи духа, а Дороховъ отошелъ угрюмый отъ стола.

Когда Астафьевъ ушелъ, я просилъ Пушкина разсказать мнѣ, какъ случилось, что, не будучи никогда знакомъ съ Астафьевымъ, я нашелъ его у себя съ нимъ играющаго. «Очень просто», отвѣчалъ Пушкинъ;—«мы, какъ ты ушелъ, послали за картами и начали играть съ Дороховымъ; Астафьевъ, проходя мимо, зашелъ познакомиться; мы ему предложили поставить карточку, и оказалось, что онъ—добрый малый и любить въ карты поиграть». «Какъ бы я желалъ, Пушкинъ, чтобы ты скорѣй пріѣхалъ въ Кисловодскъ и далъ мнѣ обѣщаніе съ Астафьевымъ въ карты не играть». «Нѣтъ, братъ, дудки! Обѣщанія не даю, Астафьева не боюсь и въ Кисловодскъ пріѣду скорѣй, чѣмъ ты думаешь». Но на повѣрку вышло не такъ: болѣе недѣли Пушкинъ и Дороховъ не являлись въ Кисловодскъ, наконецъ пріѣхали вмѣстѣ, оба продувшіеся до копѣйки. Пушкинъ проигралъ тысячу червонцевъ, взятыхъ имъ на дорогу у Раевского. Пріѣхалъ ко мнѣ съ твердымъ намѣреніемъ вести жизнь правильную и много заниматься; приказалъ моему Кирилову приводить ему по утрамъ одну изъ лошадей моихъ и ѣздилъ кататься верхомъ (лошади мои паслись въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кисло-

водска). Мнѣ странна показалась эта новая прихоть; но скоро узналъ я, что въ Солдатской слободкѣ около Кисловодска поселился Астафьевъ, и Пушкинъ всякое утро къ нему заѣзжалъ. Ожидая, что изъ этого выйдетъ, я скрывалъ отъ Пушкина мои розысканія о немъ. Однажды, возвратившись съ прогулки, онъ высыпалъ при мнѣ нѣсколько червонцевъ на столъ. «Откуда, Пушкинъ, такое богатство?» «Долженъ тебѣ признаться, что я всякое утро заѣзжаю къ Астафьеву и довольствуюсь каждый разъ выигрышемъ у него нѣсколькихъ червонцевъ. Я его мелкимъ огнемъ бью, и вотъ сколько ужъ вытащилъ у него моихъ денегъ». Всего было имъ наиграно червонцевъ двадцать. Долго бы пришлось Пушкину отыгрывать свои тысячу червонцевъ, еслибъ Астафьевъ не рассудилъ скоро оставить Кисловодскъ.

Не смотря на намѣреніе свое много заниматься, Пушкинъ, живя со мною, мало чѣмъ занимался. Вообще мы вели жизнь разгульную, часто обѣдали у Шереметева, Петра Васильевича, жившаго съ нами въ домъ Реброва. Шереметевъ кормилъ насъ отлично и къ обѣду своему собиралъ всегда довольно большое общество. Разумѣется, послѣ обѣда

...въ ненастные дни

Занимались они

Дѣломъ:

И приписывали,

И отписывали

Мѣломъ.

Тутъ явилась замѣчательная личность, которая очень была привлекательна для Пушкина, сарапульскій городничій Дуровъ, братъ той Дуровой, которая служила въ какомъ-то гусарскомъ полку во время 1812 года, получила георгіевскій крестъ и послѣ не оставляла мужского платья, въ которомъ по наружности ея, рябой и мужественной, никто не могъ ее принять за дѣвицу. Цинизмъ Дурова восхищалъ и удивлялъ Пушкина; забота его была постоянная заставлять Дурова что-нибудь рассказывать изъ своихъ приключеній, которыя заставляли Пушкина хохотать отъ души; съ утра онъ отыскивалъ Дурова и поздно вечеромъ разставался съ нимъ.

Приближалось время отъѣзда; онъ условился съ нимъ ѣхать до Москвы; но ни у того, ни у другаго не было денегъ на дорогу. Я снабдилъ ими Пушкина на путевыя издержки; Дуровъ пріютился

къ нему. Изъ Новочеркаска Пушкинъ мнѣ писалъ, что Дуровъ оказался *chevalier d'industrie*, выигралъ у него пять тысячъ рублей, которые Пушкинъ досталъ у наказного атамана, и заплативши Дурову, въ Новочеркасскѣ съ нимъ развѣхался, поскакалъ одинъ въ Москву и, вѣроятно, съ Дуровымъ никогда болѣе не встрѣтится.

Въ память нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ со мною на водахъ, Пушкинъ написалъ стихи на виньеткахъ изъ «Евгенія Онѣгина» въ бывшемъ у меня «Невскомъ Альманахѣ». Альманахъ этотъ не сохранился, но сохранились въ памяти нѣкоторые стихи, карандашемъ имъ написанные. Вотъ они:

Вотъ, перешедши мость Кокушкинъ,
 Опершись . . . . о гранить,
 Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
 Съ monsieur Онѣгинымъ стоять.
 Не удостаивая взглядомъ
 Твердыню власти роковой,
 Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ...
 Не плюй въ колодезь, милый мой!

На виньеткѣ представлена была набережная Невы съ видомъ на крѣпость и Пушкинъ, стоящій опершись о гранить и разговаривающій съ Онѣгинымъ. Другая надпись, которую могу припомнить, была сдѣлана къ виньеткѣ, представляющей Татьяну въ рубашкѣ, спущенной съ одного плеча, печатающую записку при лунѣ, свѣтящей въ раскрытое окно, и состояла изъ двѣнадцати стиховъ, изъ которыхъ первыхъ четырехъ не могу припомнить...

Записка М. И. Пущина дѣйствительно составляетъ прекрасный комментарий къ «Путешествію въ Арзрумъ»: ея содержаніе обнимаетъ собою почти все время пребыванія Пушкина на Кавказѣ, или по крайней мѣрѣ, періодъ съ момента его появленія въ лагерь Паскевича (13-го іюня) до отъѣзда поэта съ минеральныхъ водъ въ исходѣ сентября 1829 года. Эта послѣдняя часть кавказской экскурсіи Пушкина только и извѣстна, что изъ записки Пущина. Нѣкоторые изъ его рассказовъ находятъ себѣ подтвержденіе въ другихъ источникахъ. Такъ, о внезапномъ появленіи Пушкина на аванпостахъ во время перестрѣлки съ турками 14-го іюня упомянуто вскользь въ «Путешествіи въ Арзрумъ» и болѣе подробно въ сочиненіи генерала Ушакова. «Перестрѣлка 14-го іюня 1829 года»—говорится здѣсь—

«замѣчательна потому, что въ ней участвовалъ славный поэтъ нашъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Онъ прибылъ къ нашему корпусу въ день выступленія на Саганлугъ и былъ обласканъ графомъ Эриванскимъ. Когда войска, совершивъ трудный переходъ, отдыхали въ долину Инжа-су, непріятель внезапно атаковалъ передовую цѣпь нашу, находившуюся подъ начальствомъ подполковника Басова. Поэтъ, въ первый разъ услышавъ около себя столь близко звуки войны, не могъ не уступить чувству энтузіазма. Въ поэтическомъ порывѣ онъ тотчасъ выскочилъ изъ ставки, сѣлъ на лошадь и мгновенно очутился на аванпостахъ. Опытный маіоръ Семичевъ, посланный генераломъ Раевскимъ вслѣдъ за поэтомъ, едва достигнулъ его и вывелъ насильно изъ передовой цѣпи казаковъ въ ту минуту, когда Пушкинъ, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схвативъ пику послѣ одного изъ убитыхъ казаковъ, устремился противъ непріятельскихъ всадниковъ. Можно повѣрить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидѣвъ предъ собою незнакомаго героя въ круглой шляпѣ и въ буркѣ. Это былъ первый и послѣдній военный дебютъ любимца музъ на Кавказѣ» ¹⁾). Едва ли не слѣдуетъ отдать преимущество предъ этимъ повѣствованіемъ простому разсказу Пуштина: послѣдній, можетъ быть, ошибся лишь тѣмъ, что изобразилъ поэта съ саблей на-голдъ; по крайней мѣрѣ самъ Пушкинъ, безъ сомнѣнія, припоминая описанный случай, нарисовалъ себя съ пикой, въ буркѣ и въ круглой шляпѣ—въ альбомѣ Е. Н. Ушаковой ²⁾). Другой разсказъ Пуштина—о походе поэта съ городничимъ Дуровымъ—находитъ себѣ если не подтвержденіе, то соотвѣтствіе въ воспоминаніяхъ самого Пушкина о знакомствѣ съ этимъ Дуровымъ ³⁾).

Вообще, записка Пуштина по своей правдивости достойна стать на ряду съ «Путешествіемъ въ Арзрумъ». Быть можетъ, Пуштинъ и не слишкомъ увлекался поэзіею своего друга; по свидѣтельству барона Розена, этотъ стойкій и мужественный человекъ «дышалъ геройскою и боевою жизнью», но «не былъ поэтомъ, не восхищался красотами природы»; за то онъ любилъ Пушкина какъ человека и, зная его по-

¹⁾ Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ. Варшава. 1843, ч. II, стр. 303.

²⁾ Рисунокъ этотъ изданъ въ альбомѣ Московской Пушкинской выставки 1880 г.

³⁾ Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 198.

рывистыя увлеченія, нянчился съ нимъ, ходилъ за нимъ, какъ старый дядька за молодымъ барченкомъ. Эта трогательная черта дружбы ярко выступаетъ въ печатаемой запискѣ—разумѣется, помимо воли ея автора. Пушкину минуло уже тридцать лѣтъ, когда онъ пріѣхалъ на Кавказъ; но пылкая его натура далеко еще не перекипѣла, и тогдашняя жизнь его была дѣйствительно безалаберная: еще не одинъ годъ послѣ того ему приходилось расплачиваться за увлеченія той поры. Удержать его отъ нихъ вполне Пущинъ оказался не въ силахъ, но ему все же удалось охранить поэта отъ нѣкоторыхъ крайностей.

Любопытно замѣчаніе Пущина, что на водахъ Пушкинъ намѣревался много заниматься, а на самомъ дѣлѣ занимался очень мало. Творческая работа художника, съ ея своеобразнымъ процессомъ, по видимому, ускользала отъ вниманія его друга; но по собственнымъ записямъ Пушкина видно, что и въ Кисловодскѣ, среди увлеченія карточною игрой, его посѣщало вдохновеніе и претворяло его путевыя впечатлѣнія въ художественные образы: числовыя помѣты подъ стихотвореніями: «Делибашъ», «Монастырь на Казбекѣ», «Кавказъ» относятся къ сентябрю 1829 года. Это были первые поэтическіе итоги кавказской поѣздки Пушкина, и за ними должны были послѣдовать другіе: задуманы были созданія болѣе крупныя, какъ видно по не конченному и не вполне отдѣланному отрывку «Галуба»; но обстоятельства сложились такъ, что этимъ проектамъ не суждено было осуществиться.

Л. МАЙКОВЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ

Крыловъ.—Жуковскій.—Батюшковъ.

Пушкинъ.

Плетневъ.—Погодинъ.—Фетъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Л. Ф. Пантелѣва.

1895.